

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО. Учебник / Отв. ред. К.А. Бекашев. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 1008 с.

Рецензируемый учебник, подготовленный коллективом известных авторов – преподавателей кафедры международного права Московской государственной юридической академии, представляет собой всеобъемлющий научный труд, по существу выходящий за рамки учебника.

Наряду с освещением традиционных вопросов международного права и изложением содержания основных его отраслей и институтов в учебнике рассматриваются вопросы международного сотрудничества в целом ряде областей, ранее не освещавшихся в учебной литературе. В частности, в той или иной степени здесь нашло отражение современное состояние международно-правового регулирования в военной, технической областях, в области сельского хозяйства, туризма, таможенного дела, гидрометеорологии, спорта, по вопросам высшего образования. Освещение как традиционных, так и иных вопросов сопровождается подробным изложением содержания многочисленных международных договоров, что, конечно же, не могло не сказаться на столь внушительном объеме настоящего учебника.

Примечательно, что учебники международного права еще в сравнительно недавнем прошлом, как правило, отличались весьма дозированным использованием содержания международно-правовых актов. И это не случайно. Думается, авторами этих учебников подспудно преследовалась цель приучить студента к самостоятельной работе с первоисточниками.

Наиболее значимыми для любого учебника являются анализ состояния теории, достижений как отечественной, так и зарубежной правовой науки, аргументированный выбор той или иной научной концепции, а при ее отсутствии – предлагаемые авторские подходы. В этом плане представленный учебник, на наш взгляд, не свободен от определенных недостатков. В отдельных случаях авторы ограничиваются изложением лишь своей собственной точки зрения, попросту игнорируя существующие ныне концепции. В других случаях, напротив, в рамках учебника по одному и тому же вопросу сосуществуют диаметрально противоположные позиции его авторов.

В этом контексте в первую очередь обращает на себя внимание предлагаемое в учебнике новое понятие международного публичного права на фоне критики существующих определений, в том числе и общепризнанного определения, содержащегося в 7-томном «Курсе международного права». Международное публичное право в рецензируемом учебнике понимается как система «обязательных норм и принципов, выраженных в признанных субъектами этого права источниках и являющихся общеобязательным критерием правомерно дозволенного и юридически недозволенного и через которые (нормы) осуществляется управление международным сотрудничеством в соответствующих областях или принуждение к соблюдению норм этого права» (с. 19).

Относительно нового определения, во-первых, хотелось бы заметить, что оно весьма тяжеловесно, громоздко по своей конструкции, перегружено излишней детализацией. Критикуя подобного рода определения, Ф.И. Кожевников отмечал: «Это является результатом стремления авторов втиснуть

в определение все признаки международного права, боясь упустить хотя бы один из них»¹.

Во-вторых, предлагаемое определение отличается нестыковкой отдельных его частей. С одной стороны, международное право определяется как система обязательных **норм и принципов**, а с другой – в контексте управления и принуждения к соблюдению говорится лишь о **нормах** этого права.

В-третьих, исходя из теории Ф.Ф. Мартенса, считавшего в конце XIX в., что международное право должно **управлять** международной деятельностью государств, авторы нового определения в унисон с этим подходом рассматривают как основную функцию международного публичного права именно **управление**. Думается, что такая «новелла» теоретически неоправданна. Дело в том, что понятие термина «управление», происходящего, как известно, от лат. *administratio* (администрация, руководство) и в буквальном смысле означающего деятельность по управлению чем или кем-либо, далеко не однозначно. Сегодня существует множество определений данного понятия и, соответственно, высказываются различные суждения о соотношении категорий «управление» и «регулирование». По мнению одних авторов, регулирование общественных отношений входит в структуру механизма управления как одна из функций субъекта управления², по мнению других, – «регулирование» в смысловом отношении представляет собой более широкое понятие, чем «управление». Третьи трактуют управление как государственное правовое регулирование с помощью законов³.

В соответствии с доминирующим учением о социальном назначении права оно представляет собой действенный **регулятор** общественных отношений, основной функцией любой отрасли права является именно их регулирование. Со стороны авторов данного учебника не приводится никаких доводов в пользу предлагаемого ими термина «управление». При таких условиях вряд ли имеет смысл подвергать ревизии понятийный аппарат общей теории права, тем более что новый термин не стал органичным и предпочтительным для самих авторов рецензируемого учебника. Все они в том или ином контексте по-прежнему оперируют устоявшимся понятием – «международно-правовое регулирование» (с. 22, 87, 506, 519, 528, 530 и т.д.).

Другой принципиально важный вопрос, заслуживающий внимания, касается правовой природы международного частного права. В учебнике утверждается как «очевидный факт» наличие единого для всех стран (по аналогии с международным публичным правом) международного частного права (с. 21). Основным используемый при этом тезис сводится к тому, что «по своему содержанию и юридической сущности вопросы, решаемые международным частным правом, таковы, что их регулирование выходит за рамки компетенции одного государства» (с. 20, 21). Правовая при-

¹ Международное право / Под ред. Ф.И. Кожевникова. М., 1966. С. 30.

² См.: Солдатов А.С. Право как инструмент социального управления. М., 2001.

³ См.: Иванов В.Н. Основы социального управления. М., 2001.

рода международного частного права, по мнению авторов, “убедительно” определена в п. 1 ст. 7 Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Рассматривая Конвенцию как один из основных источников международного частного права, авторы учебника одновременно делают ошибочный вывод о приоритете ее положений, утверждая, что коллизионными нормами, отсылающими к применимому материальному праву, следует руководствоваться лишь “при невозможности решить вопрос на основе содержащихся в самой Конвенции предписаний и принципов”. Напротив, как явствует из ст. 6 Конвенции, все ее положения (при условии соблюдения ст. 12) диспозитивны, т.е. стороны могут полностью исключить применение Конвенции к договору, подпадающему под ее сферу регулирования, либо отступить от любого из ее положений, либо изменить его действие⁴. В современной доктрине доминирует мнение авторов, отрицающих наличие **единого** международного частного права. Именно на позиции внутрисудового характера международного частного права стояли и стоят такие корифеи в области международного частного права, как И.С. Перетерский, Л.А. Лунц, М.М. Богуславский. В частности, М.М. Богуславский, рассматривающий систему международного частного права как совокупность коллизионных и материально-правовых норм, специально созданных для регулирования отношений, осложненных иностранным элементом, отмечает: “Единого международного частного права в настоящее время не существует. Каждое государство, за исключением случаев использования унифицированных норм международных договоров и общих начал международного права, применяет в области регулирования гражданско-правовых и иных частноправовых отношений не одни и те же нормы международного частного права, общие для всех государств, а различные нормы”⁵. Примечательно, что даже Кодекс Бустаманте (325 статей), принятый на VI Панамериканской конференции в 1928 г. и действующий ныне в 15 латиноамериканских странах, представляя собой универсальный свод коллизионных норм, не подразумевает полного устранения различий в национальном материальном праве⁶.

Ряд замечаний вызывает изложение темы “Источники международного публичного права”, определяемые в учебнике как “**способ выражения воли субъектов** (выделено нами. – М.Г.) международного права” (с. 25), что противоречит признанному ныне понятию юридического источника как формы выражения международно-правовых норм. Думается, что предложенное определение представляет собой попытку неоправданного расширения понятия источника международного права. В свете данного определения, например, резолюция, принятая квалифицированным большинством голосов государств – членов Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) и бесспорно являющаяся одним из **способов** выражения воли субъектов международного права, подпадает под понятие источника международного права. Тем не менее резолюция ГА ООН, как имеющая рекомендательный характер в соответствии со ст. 11 Устава ООН, не может рассматриваться в качестве такого источника. Содержанием предложенного понятия охватываются и односторонние заявления государств, в той или иной мере являющиеся “способом выражения воли субъектов” и относимые в учебнике к категории источников права. Однако подобный подход иг-

норирует согласительную природу международного права. Исходя из понятия нормы международного права, представляющей собой результат согласования воли государств, односторонние государственные акты не могут рассматриваться в качестве источника права, поскольку не являются формой выражения правил, обладающих необходимыми качествами международно-правовых норм.

Равным образом нельзя согласиться и с предлагаемой конкретизацией отдельных источников международного права. Источниками принципов международного гуманитарного права, в частности, по мнению авторов, служат обычные нормы (с. 849), хотя, строго говоря, в качестве источника здесь выступает международно-правовой обычай.

Касаясь классификации норм международного права, авторы учебника выделяют лишь два вида: диспозитивные и императивные нормы, именуемые ими с учетом положений ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. нормами *jus cogens*, т.е. нормами-принципами, обязательными для всех государств (с. 34, 35). Но при такой классификации за рамками остаются императивные нормы двусторонних и многосторонних договоров с участием ограниченного числа государств, обязательные лишь для субъектов соответствующих договоров. Данное обстоятельство, очевидно, обязывает приводить трехчленную иерархию международно-правовых норм, выделяя при этом помимо диспозитивных и норм *jus cogens* локальные (региональные) императивные нормы.

Требуют своего уточнения понятие и виды субъектов международного права. Предлагаемое определение субъектов международного права, характеризующихся как “акторы, которые в силу юридических норм могут выступать в качестве носителей субъективных юридических прав и обязанностей”, отличается той степенью абстракции, которая позволяет отнести его к субъектам любой отрасли права (с. 180). Приводимый в последующем перечень основных свойств, характерных, по мнению авторов, для субъектов международного права: “известная внешняя обособленность”, “персонификация (выступление в международных отношениях в виде единого лица)”, “способность вырабатывать, выражать и осуществлять автономную волю”, “участвовать в принятии норм международного права”, – со своей стороны также не способствует четкому определению их круга. Физические лица (индивиды), поставленные в учебнике в один ряд с государствами, международными межправительственными организациями, нациями, борющимися за независимость, и государственно-подобными образованиями (с. 180, 197), практически не отвечают ни одному из этих признаков. В то же время юридические лица, а тем более международные юридические лица, в значительно большей степени отвечающие приведенным критериям, в перечне соответствующих субъектов не упомянуты. Правда, в дальнейшем авторы учебника отметили, что в качестве субъектов международного воздушного права могут “с полным основанием рассматриваться учреждаемые на основе дву- и многосторонних межгосударственных соглашений авиатранспортные организации, международные эксплуатационные авиационные агентства и их пулы” (с. 683). “Правительственные и неправительственные юридические лица, принимающие участие в космической деятельности с разрешения и под наблюдением запускающих государств”, квалифицируются ими как субъекты международного космического права (с. 704).

Определенные противоречия наблюдаются в позиции авторов учебника при обосновании правосубъектности государства. С одной стороны, ими разделяется позиция Л. Оппенгейма – сторонника конститутивной теории при-

⁴ См.: Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. М., 1994. С. 21.

⁵ Богуславский М.М. Международное частное право. М., 2009. С. 36.

⁶ См.: Доронина Н.Г. Унификация права стран Латинской Америки // Законодательство и экономика. 2002. № 10.

знания в той части, что государство становится “субъектом международного права только путем признания” (с. 205). С другой – резко выступая против конститутивной теории, авторы констатируют, что данная теория “несовместима с международным правом, поскольку она игнорирует тот факт, что государство еще до признания пользуется всеми правами и обязанностями, вытекающими из принципа суверенитета” (с. 209).

Спорной представляется авторская позиция в части обоснования правосубъектности международных организаций, которые, как утверждается в учебнике, “согласно ст. 3 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. являются субъектами международного права” (с. 193). Исходной при этом служит также теория, разработанная норвежским юристом Ф. Сейерстедом, именуемая авторами учебника как концепция “объективной правосубъектности”. В свете данной концепции отсутствие в учредительном документе межправительственной организации положений о ее правосубъектности не означает, что данная организация не является субъектом международного права, ибо любая организация “*ipso facto* становится международной юридической личностью” и ее правосубъектность “существует вне зависимости от воли государств-членов” (с. 194).

В связи с данной позицией по крайней мере два момента требуют своего уточнения. В первую очередь имеется в виду правомерность ссылки на Конвенцию 1986 г., не вступившую в силу. Второй принципиальный момент касается концепции Ф. Сейерстеда, кстати, известной российской международно-правовой доктрине как концепция “имманентной компетенции” (“имманентной правосубъектности”), подвергнутой острой критике еще Г.И. Тункиным. Равным образом была подвергнута критике и другая, менее одиозная концепция – “подразумеваемая компетенция”, в соответствии с которой должно предполагаться, что Организации независимо от содержания Устава предоставлены все полномочия, необходимые для осуществления своих целей и функций. Появление всех этих юридических конструкций имело целью оправдать многочисленные нарушения Устава ООН и других международных организаций. Авторы их стремились доказать возможность свободного манипулирования организациями своей компетенцией⁷. «Международная действительность такова, – отмечал Г.И. Тункин, – что далеко не все межправительственные международные организации являются субъектами международного права, а объем правосубъектности тех организаций, которые ею обладают, весьма различен. “Концепция “имманентной правосубъектности, так же как и концепция “имманентной компетенции”, находится в противоречии с основами современного международного права, в соответствии с которым устав международной организации является юридической основой ее существования и деятельности»⁸.

Недостаточно убедителен авторский подход к обоснованию международной правосубъектности физических лиц. Основной акцент сделан на права и обязанности индивидов и государств по отношению к индивидам, закрепленные, по их подсчетам, примерно в 20 многосторонних и в ряде двусторонних договоров (с. 201). При этом момент возникновения **правоспособности** индивидов, понимаемой ими как

“наличие юридической возможности у лиц своими действиями порождать субъективные права и юридические обязанности”, соотносится с наступлением “ситуаций, определенных в соответствующих международных договорах” (с. 181).

Между тем согласно общей теории государства и права нельзя представлять правоспособность в качестве совокупности материальных прав (как это нередко имеет место); это – всего лишь абстрактная способность, юридическая возможность индивида быть их носителем, быть субъектом права. Другими словами, индивиды обладают общей правоспособностью как условием и предпосылкой возникновения на ее основе конкретных субъективных прав, которые характеризуют вид и меру дозволенного (должного) поведения со стороны управомоченного субъекта. И в этом качестве правоспособность индивида сама является особым юридически закрепляемым и защищаемым субъективным правом. Понимание правоспособности как определенного субъективного права нашло убедительное обоснование в отечественной юридической доктрине⁹.

Что касается **отраслевой, международной правоспособности** индивидов (именуемой авторами как **специальная**), то она также представляет собой определенное субъективное право, которому присуще специфическое самостоятельное содержание – юридическая возможность иметь конкретные международные права и обязанности. Однако ни один из действующих в настоящее время международных договоров не определяет и не закрепляет международную правоспособность индивидов.

Аналогично обстоит дело и со вторым структурным элементом правосубъектности – с **дееспособностью**. Подобно международной правоспособности, **международная дееспособность**, основания ее возникновения должны быть юридически регламентированы. Абстрактный субъект изначально не обладает универсальной международной дееспособностью, которая в силу суверенитета имманентно присуща лишь государствам. Следовательно, определяющим при решении вопроса о международной правосубъектности индивида служит ответ на вопрос относительно наличия (отсутствия) международно-правовых актов, непосредственно наделяющих индивида международной правоспособностью как правом быть субъектом международных прав и обязанностей и дееспособностью как способностью реализовывать своими действиями предоставляемые ему права и приобретать обязанности. Подобных международно-правовых источников, закрепляющих международную правосубъектность индивидов, на наш взгляд, сегодня нет. Что касается международных договоров, используемых авторами учебника в качестве доказательства наделения индивидов международной правосубъектностью, то следует иметь в виду, что речь идет в них об обязанности государств – участников договоров обеспечить весь комплекс конкретных прав, предоставляемых индивидам в соответствии с международными стандартами, гарантированными соответствующими международно-правовыми актами. Для реализации этих прав члены международного сообщества сочли достаточным признание за физическими лицами общей правосубъектности, закрепляемой в рамках национальных правовых порядков (ст. 6 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 16 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.,

⁷ См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 367–378.

⁸ Там же. С. 405, 406.

⁹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 141; Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. М., 1993. С. 56; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2007. С. 395–397.

ст. 23 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.).

Одним из основных доводов в обоснование международной правосубъектности физических лиц, также приводимых сторонниками данной концепции, служит наблюдаемая тенденция к расширению прямого доступа индивидов в международные органы. При этом, как правило, в качестве иллюстрации используют международно-правовой механизм защиты прав человека в рамках Европейской конвенции 1950 г. Обращение индивидов в международные органы предлагается, таким образом, квалифицировать как проявление международной правосубъектности. Полагаем, что с этим мнением согласиться нельзя, поскольку подобное право на обращение вряд ли можно отнести к категории правомочий, предоставляемых индивиду именно как субъекту межгосударственного права. Во-первых, предусматриваемое Конвенцией 1950 г. право индивида на обращение в Европейский Суд (как, впрочем, и в любой другой межгосударственный орган) носит опосредованный характер. Индивид не является субъектом прямого действия норм международного права. Любой международный договор независимо от его предмета и целей порождает права и обязанности для государств – участников. Как справедливо отмечает В.Л. Толстых, права и обязанности индивидов “возникают не из нормы международного права, даже если ее формулировка создает впечатление о возможности прямого действия, а из нормы внутригосударственного права, образующейся в результате трансформации”¹⁰. Действительно, лицо вправе обратиться в Суд с индивидуальной жалобой, но только на то государство, которое признает положения Конвенции для себя обязательными. В результате возможность реализовать это право зависит от соответствующего государства.

Во-вторых, не следует забывать, что изначально государства – участники Конвенции 1950 г., не желая наделять физических лиц правом непосредственного обращения в Суд, создали Комиссию по правам человека как “буферную платформу” между индивидами и Судом. И только впоследствии, в 1998 г., в связи с огромным количеством дел пришлось радикально реформировать Европейский Суд и отказаться от этой Комиссии¹¹. Что касается Межамериканского суда, созданного на основе Американской конвенции о правах человека от 22 ноября 1969 г., то правом на передачу дела в этот суд наряду с государствами-членами обладает только Межамериканская комиссия (ст. 61).

В-третьих, правом на обращение в международные органы пользуются далеко не все индивиды, а лишь жертвы нарушений со стороны государств – участников соответствующих международных договоров, что не позволяет говорить об **общем правовом статусе** индивидов.

В-четвертых, применительно к обращению в международные органы речь идет не о праве на иск, а всего лишь о праве на подачу петиции в связи с нарушением прав индивида как субъекта внутригосударственных отношений, контроль за соблюдением которых осуществляется международным сообществом.

В-пятых, лицо, получившее удовлетворение по своей жалобе в международной инстанции, тем не менее, не может самостоятельно добиваться исполнения решения.

Думается, что индивид, обладающий правом на петицию, может рассматриваться не более как лицо (бенефициарий)¹², обладающее общей правосубъектностью, права которого служат объектом международно-правовой защиты. Признание за индивидом права на обращение в международные инстанции обусловлено необходимостью повысить эффективность системы международного мониторинга за соблюдением прав человека, помочь государствам в выявлении случаев их нарушения.

Основанием для дискуссии служит также ряд положений гл. VII “Ответственность в международном праве”. Спорным представляется утверждение авторов учебника, полагающих, что “компенсация является наиболее распространенным видом санкций” (с. 266). Отнесение компенсации к категории санкций противоречит устоявшемуся в международно-правовой доктрине и практике понятию компенсации как формы материальной ответственности государств. В Проекте статей наряду с понятием компенсации как формой возмещения вреда, причиненного международно-противоправным деянием (ст. 36 гл. II “Содержание международной ответственности государства”), имеется определение понятия контрмер, предназначенных для обеспечения принудительного исполнения нарушителем своих обязательств (ст. 49 гл. III “Имплементация международной ответственности государства”), рассматриваемых в доктрине международного права в качестве санкций.

Нельзя согласиться и с утверждением, что санкция “как форма принуждения применяется только в случае совершения тяжкого международного преступления” (с. 263), хотя несколькими страницами ранее (с. 259) авторы констатируют, что международно-правовая ответственность, в отличие от других видов ответственности, “всегда связана с принуждением, с практическим применением к правонарушителю установленных источниками международного права санкций”.

Как свидетельствует практика, санкции могут иметь место даже при совершении простого деликта. Доказательство тому – приостановление членства в ООН за неуплату взносов в бюджет Организации. От характера международного правонарушения зависит не сама возможность применения санкции, а целесообразность и возможность применения конкретных коллективных или индивидуальных принудительных мер, адекватных совершенному правонарушению.

Вместе с тем мнение авторов, рассматривающих в качестве санкции обязанность Ирака “отвести свои войска от территории Кувейта” в феврале 1991 г., кажется ошибочным. Подобная обязанность представляет собой одну из форм международно-правовой ответственности – реституцию, определяемую в Проекте статей как “обязанность восстановить положение, существовавшее до совершения противоправного деяния” (ст. 35).

При рассмотрении правового положения иностранцев авторы учебника наряду с национальным и режимом наибольшего благоприятствования выделяют третий вид режи-

¹⁰ Толстых В.Л. Курс международного права. Учебник. М., 2010. С. 332, 333.

¹¹ См.: Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. Новые правила обращения в Европейский Суд по правам человека. Текст регламента. Новеллы. Комментарий. М., 2004. С. 219.

¹² Понятие “бенефициарий” используется сегодня в доктрине и в международно-правовых актах. В частности, в п. 2б ст. 48 Проекта статей “Об ответственности государств за международно-противоправные деяния”, подготовленного Комиссией международного права ООН и одобренного Генеральной Ассамблеей ООН 12 декабря 2001 г. (Проект статей), “бенефициарий нарушенного обязательства” применяется по отношению к государству. И.И. Лукашук характеризует индивида как “бенефициарий (пользователь) в отношении норм международного права” (Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. Учебник. М., 2001. С. 34).

ма – “специальный”, определяемый ими как “особый режим, более жесткий по сравнению с вышеназванными” (с. 310). При столь лаконичном определении и отсутствии каких-либо комментариев остается не ясным содержание специального режима. Кстати, во многих учебниках специальный режим, напротив, понимается как более льготный и нередко вполне справедливо именуется преференциальным¹³. Примечательно, что о преференциальном режиме вскользь упоминается и в рецензируемом учебнике в контексте с Соглашением о всеобщей системе преференций 1971 г. и Соглашением о глобальной системе торговых преференций среди развивающихся стран 1989 г., заключенными в рамках ЮНКТАД (с. 444).

Исследование вопросов, касающихся международных механизмов обеспечения прав человека, имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Именно поэтому изложение условий и порядка обращения в Европейский Суд по защите прав человека при реализации индивидами права на международную судебную защиту должно отличаться особой четкостью. Тем не менее предлагаемый в учебнике соответствующий материал содержит отдельные противоречия и неточности фактического порядка.

Прежде всего требует устранения противоречие при изложении вопроса о роли Европейской комиссии по правам человека, которой, как указано в учебнике, принадлежит, якобы, исключительное право (наряду с государствами) передачи дела в Суд (с. 245, 246). В последующем уже иным автором сообщается о ликвидации Европейской комиссии и о возможности подачи жалобы индивидом непосредственно в Суд (с. 318–320).

Одновременно нуждается в уточнении и одно из условий обращения индивида в Суд – предварительное исчерпание внутренних средств правовой защиты. К числу необходимых средств при этом, по мнению авторов учебника, относятся: использование внутригосударственной судебной системы, обращение в органы прокуратуры, к Уполномоченному по правам человека, а также к уполномоченным по правам человека в субъектах Федерации и, наконец, возможность обращения к Президенту РФ как гаранту Конституции (с. 319, 320).

Действительно, авторы учебника правы в том смысле, что защиту прав человека должны обеспечивать прежде всего внутригосударственные органы, обязанные признавать нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в качестве приоритетной основы своей деятельности. Однако с приведенным в учебнике перечнем конкретных средств, которые частному лицу необходимо использовать до обращения в Европейский Суд, согласиться нельзя. Европейский Суд выработал несколько критериев для решения вопроса о том, какие внутригосударственные средства защиты в каждом конкретном случае подлежат исчерпанию. К этим критериям относятся: доступность, целесообразность и эффективность. Конкретно для России в соответствии со сложившейся практикой индивиду необходимо использовать все судебные инстанции Российской Федерации, за исключением надзорной, обращение в которую не является обязательным, поскольку, по мнению Суда, просьба о пересмотре судебного решения в порядке надзора по смыслу п. 1 ст. 35 Европейской конвенции не является

“эффективным” средством. При предъявлении претензии к России не требуется также предварительного обращения заявителя к несудебным процедурам (главе государства, Уполномоченному по правам человека, прошения о помиловании и др.). Меры такого рода отнесены Судом к числу “чрезвычайных” и также не считаются эффективными¹⁴. Ошибка многих российских граждан, безуспешно обращавшихся в Европейский Суд, заключалась именно в том, что они максимально возможно использовали внутригосударственные средства правовой защиты и в результате пропускали шестимесячный срок, установленный Конвенцией для подачи жалобы, ибо моментом отсчета этого срока служит вступление в законную силу судебного решения (приговора).

В гл. “Право Организации Объединенных Наций” требует уточнения структура ООН. Традиционно в учебнике в качестве одного из главных органов ООН указан Совет по опеке (с. 436, 456). Между тем в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи 60/1 от 16 сентября 2005 г. Совет по опеке упразднен. Соответственно, гл. XIII и ссылки на Совет в гл. XII исключены из Устава ООН¹⁵.

Дискуссионным представляется авторский подход к освещению вопроса о способах приобретения территории. В этой части вызывают сомнения интерпретация основания оккупации территории и корректность приводимого здесь примера. “Оккупация территории, – говорится в учебнике, – в прошлом являлась распространенным способом приобретения не принадлежащей какому-либо государству территории посредством осуществления различных актов вступления во владение ею. Например, по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Япония отказалась от всех прав на Тайвань, Курильские острова и Сахалин. В результате последние были присоединены к СССР” (с. 554). К сожалению, несмотря на чрезвычайную актуальность этого вопроса, авторы при характеристике оккупации как способа приобретения территории, ограничились лишь содержанием приведенного здесь фрагмента. Как явствует из данного текста, основанием присоединения Курильских островов и Сахалина (точнее было бы – Южного Сахалина)¹⁶ служит так называемая первоначальная оккупация, т.е. занятие территории, не принадлежащей никакому государству, ставшей по условиям Договора 1951 г. *terra nullius*. Думается, вряд ли правомерно говорить об оккупации упомянутых территорий в том смысле, как понимают ее авторы учебника. Международно-правовой доктрине и практике известны и другие способы правомерного изменения государственных границ, в частности занятие территории иностранного государства “на основе правового титула, например в качестве репрессалий”¹⁷. Данный способ территориальных изменений, по сути, лежит в основе концепции “отторжения части государственной территории в качестве санкции за агрессию”,

¹⁴ См.: Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. Указ. соч. С. 95, 96.

¹⁵ См.: UN A/RES/60/1, Distr.: General 24 October 2005.

¹⁶ По Сан-Францисскому мирному договору от 8 сентября 1951 г. Япония отказалась “от всех прав, правооснований и претензий” на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года” (ст. 2) (см.: Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954 гг.). М., 1954). В свою очередь, согласно ст. IX Портсмутского договора от 23 августа (5 сентября) 1905 г. Россия уступила Японии “в вечное и полное владение южную часть острова Сахалин и все прилегающие к последней острова” (см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952).

¹⁷ Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 280, 410.

¹³ См.: Международное право. Учебник / Под ред. В.И.Кузнецова, Б.Р. Тузмухамедова. М., С. 297; Международное право. Учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2006. С. 490; Гетьман-Павлова И.В. Международное право как регулятор современных международных отношений. М., 2004. С. 261.

разделяемой отечественной доктриной и соответствующей официальной позиции России¹⁸.

Вызывает сомнение предлагаемое в учебнике определение ряда других способов приобретения территории. По мнению авторов, именно уступка, означающая “передачу территории другому государству”, называется цессией (с. 555). Что же касается **продажи** (Аляска) и **обмена территориями** (участки в Люблинском воеводстве и Львовской области), то они рассматриваются в качестве самостоятельных безотносительно к понятию “цессия” способов приобретения территории. Между тем классическим примером цессии в современной доктрине признается именно продажа Аляски. Сегодня практически общепризнано, что цессия как юридическое основание территориальных приобретений не зависит от денежной компенсации. И купля-продажа территории, и обмен территориями, и дарение представляют собой разновидность, формы цессии, определяемой как передача (уступка) по договору одним государством другому небольших участков территории¹⁹.

При освещении вопроса государственной принадлежности арктических пространств допущены две неточности. Первая неточность: острова Медвежий (группа из шести островов) рассматриваются находящимися под суверенитетом Норвегии, в то время как эти острова, расположенные в Восточно-Сибирском море, к северу от реки Колымы, входят в состав Якутии. Норвегии же принадлежит не архипелаг, а остров Медвежий, находящийся в западной части Баренцева моря, к югу от острова Западный Шпицберген. Вторая неточность касается даты признания Россией суверенитета Норвегии. Суверенитет над архипелагом Шпицберген, включая остров Медвежий, Советское правительство признало 16 февраля 1924 г. Что касается указанного в учебнике 1935 г. (с. 574), то в этом году Россия присоединилась к Договору о Шпицбергене 1920 г.²⁰

Ряд положений, требующих уточнения, содержится в гл. XXI “Международное экологическое право”, определяемое здесь как “совокупность принципов и норм, направленных на обеспечение рационального использования природных ресурсов и защиту окружающей среды от загрязнения” (с. 760). Приведенная дефиниция в большей степени соответствовала бы определению экологического права как одной из отраслей национального права. В предложенном определении отсутствуют два важных признака, характеризующих международное экологическое право. Особый акцент следовало бы сделать, во-первых, на совокупность именно международно-правовых принципов и норм и, во-вторых, на регулирование отношений между субъектами международного права. Что касается предмета международного экологического права, то, на наш взгляд, он значительно сужен: наряду с защитой окружающей среды от загрязнения речь должна была бы идти об охране окружающей среды от вредных воздействий любой антропогенной деятельности.

Подчеркивая глобальный характер проблемы защиты природы, авторам, к сожалению, не удалось раскрыть ту первопричину, которая предопределила активизацию международного сотрудничества при решении экологических проблем. В этом плане особого внимания заслуживало бы учение о ноосфере, разработанное акад. В.И. Вернадским,

представляющее собой выдающееся достижение научной мысли, способствовавшее осознанию человечеством необходимости нового мышления в условиях, когда деятельность его приобрела общепланетарный характер и стала мощной геологической силой, изменяющей биосферу. При таком подходе авторам не пришлось бы вразрез с существующими воззрениями и понятиями государственного суверенитета и суверенных прав распространять концепцию “общее достояние человечества” на все природные объекты, включая моря, леса, животных и т.д. (с. 762). Сегодня подобный статус, призванный прежде всего обеспечить равенство всех государств в использовании соответствующих объектов, как известно, признается международным правом лишь за небесными телами и их природными ресурсами (ст. 3 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.). По сути идентичный ему статус “общее наследие человечества” признается в отношении района морского дна за пределами национальной юрисдикции (Района) и его ресурсов (ст. 136 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.).

При рассмотрении отдельных вопросов в учебнике наблюдается смешение категорий международного публичного и международного частного права. В частности, неоправданна конкретизация многих вопросов международных перевозок: порядок оформления договора перевозки; транспортные документы, сроки доставки грузов; основания гражданской-правовой ответственности; освобождение перевозчика от ответственности; условия перевозки пассажиров и багажа; страхование гражданской ответственности перевозчика и т.д. (с. 530–538).

В гл. XXVI “Международное процессуальное право” ошибочно включены вопросы рассмотрения коммерческих споров арбитражными судами Российской Федерации. То обстоятельство, что одной из сторон спора может выступать государство, не влияет на его частноправовой характер и не может служить достаточным основанием для рассмотрения этих вопросов в курсе международного публичного права (с. 979, 980).

В учебнике, к сожалению, имеют место небрежность и неточности различного характера. В частности, Конвенция ООН по морскому праву вступила в силу не в 1984, а в 1994 г. (с. 609). Искривлено название одного из источников международного морского права – Консолато дель Маре (ит. *Consolato del mare*), приводимого в учебнике как “Колосолато дель Мар” (с. 600). Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. ошибочно именуется как Венская конвенция о консульских соглашениях (с. 202). Вместо термина “домиций”, эквивалентного термину “местожительство”, использован “домиций” (с. 591). Континентом считается не Антарктика, включающая в себя прилегающие участки Атлантического, Индийского и Тихого океанов, а Антарктида (с. 164). Отсутствует единообразие при переводе фамилии французского автора А. Cassese при неоднократных ссылках на его работу: Кассиз (с. 511). Кассесе (с. 118, 182, 199, 544) или Кассизи (с. 511). По состоянию на июнь 2009 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. было принято не 11, а 14 протоколов (с. 201). 49-я сессия Комиссии международного права ООН состоялась не в 1977, а в 1997 г. (с. 270). Название международного частного права привнесено в научный оборот основателем соответствующей американской доктрины Дж. Стори, но не Дж. Сторн (с. 19). Кодекс внутреннего водного транспорта РФ 2001 г. именуется как Кодекс “водяного” транспорта. Международная конвенция по поиску и спасанию на море 1979 г. приводится как Конвенция о поиске и спасении (с. 391) и т.д. Примером очевидной небрежности, допу-

¹⁸ См.: Тункин Г.И. Указ. соч. С. 465–470.

¹⁹ См.: Толстых В.Л. Указ. соч. С. 861, 862; Международное право / Под ред. Г.И. Тункина. М., 1994. С. 367; Международное право / Под ред. Ф.И. Кожевникова. С. 201, 202.

²⁰ См.: Буроменский М.В., Тимченко Л.Д. Международно-правовой статус Шпицбергена // Правоведение. 2009. № 3. С. 88–92.

щенной авторами, служит также отнесение иностранных судов, состоящих на “некоммерческой службе”, к категории судов, не пользующихся полным иммунитетом в открытом море (с. 608). Данное положение прямо противоречит ст. 96 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., предусматривающей, что суда, состоящие на “некоммерческой государственной службе, пользуются в открытом море полным иммунитетом от юрисдикции какого бы то ни было государства, кроме государства флага”.

В заключение хотелось бы отметить, что в целом рецензируемый учебник отвечает уровню современной науки меж-

дународного права. Вместе с тем отмеченные противоречия, досадные ошибки и неточности различного свойства в значительной степени подрывают кредит доверия к учебнику столь высокого класса. Желательно, чтобы при очередном переиздании настоящего учебника отмеченные в нем недостатки были устранены.

**Маргарита Алексеевна Гицу, доцент Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, канд. юрид. наук
(тел.: (495) 420–74–66)**